

О КОНЦЕПЦИИ И СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С НАРКОМАНИЯМИ В РОССИИ

Реально ли оценивается ситуация?

Изучение данных о количестве наркоманов в России, которые приводятся в аналитических записках и отчетах самых авторитетных источников (профильных институтов РАН, Национального научного центра наркологии и Минздравсоцразвития России), вызывает недоумение. В одних указывается, что на 2003 год в стране зарегистрировано около 487 тысяч наркоманов, а чуть дальше в том же тексте отмечается, что 803 тысячи подростков и молодежи в возрасте от 11 до 25 лет проходили лечение от наркомании и т. д. Хотя, к чести авторов этих работ, практически во всех случаях подчеркивается, что точных данных нет ни у кого и реальное количество наркоманов, вероятно, в десятки раз больше (3—4 миллиона человек).

В 2001 году Президент Российской Федерации уже объявлял наркотизацию населения страны национальной проблемой, но пока нет ощущения, что это обращение Президента было адекватно воспринято всеми ветвями власти и обществом.

Главный вопрос в такой беспрецедентной ситуации: с чего начать? Ведущие специалисты Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков отмечают, что уже поставлена задача создания единого банка данных по наркоманам. Но, как представляется, для начала нам нужны не единый банк данных, а единая научно обоснованная методика и система учета. И разработку этой системы было бы целесообразно поручить межведомственной комиссии ученых, чтобы избежать узко "сфокусированных" интересов. Нет сомнений, что все российские министерства, государственные комитеты и федеральные службы заинтересованы в искоренении этого зла, но "бюджетный фактор", вне сомнения, всегда будет вызывать определенные искажения в подходах, предложениях и интерпретациях статистических данных.

Применим ли стандартный подход?

Что обычно предлагается для борьбы с распространением наркоманий? Перечислим тезисно: воспитание молодежи и пропа-

ганда здорового образа жизни для "неинфицированной" части населения; развитие учреждений культуры и спорта; активное выявление, лечение и реабилитация наркоманов; ограничения на прием наркоманов в военные учебные заведения и их призыв в армию; создание научных центров для изучения проблемы и разработки методов лечения; расширение подготовки специалистов-наркологов и сети наркодиспансеров; ликвидация подпольных лабораторий и посевов "производителей"; ограничение доступа к прекурсорам, без которых производство невозможно; силовые меры по отношению к наркокурьерам, крупным поставщикам; пресечение трафика на таможне и передачи наркотиков по другим каналам и т.д.

Таким образом, проблемой вроде бы занимаются: Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, Министерство здравоохранения и социального развития, Министерство образования и науки, Министерство культуры и массовых коммуникаций, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, Федеральная служба охраны, Федеральная таможенная служба, Федеральное агентство по физической культуре и спорту, комитеты по делам молодежи, ГУИН и т.д. Можно упомянуть и Государственную Думу, и Совет Федерации, которые разрабатывают законы, и Правительство России, которое реализует государственную политику, а также Русскую православную церковь и все другие действующие в России конфессии. А в итоге у семи нянек дитя так и остается с резко суженными от наркотиков зрачками. Почему?

Потому, что реальной государственной политики все еще нет. Нет единого понимания этого социального зла и нет единого координирующего органа. Нет адекватных количественно и качественно специалистов по борьбе с распространением наркотиков по всем направлениям. Силы и средства распылены, действия не скоординированы и т. д. А традиционные подходы, включая перечисленные выше, хотя и преследуют вроде бы благие цели, как представляется, во многом отражают сугубо ведомственные взгляды, подходы и интересы (в том числе — бюджетно зависимые), в итоге проблема "растворяется" в количестве ответственных за ее решение. Но даже не это главное. Самый важный вывод состоит в том, что пока еще борьба с неуклонно растущей опасностью распространения наркоманий не стала проблемой всего общества, и никакая отдельно взятая структура не способна решить эту проблему без широкой общественной поддержки, а также без опоры

на скоординированные действия всех специальных служб и подразделений.

Что нужно сделать прежде всего?

Казалось бы, очень простой вопрос. Но именно его решение является ключевым. Прежде всего требуется ясное понимание и представление проблемы во всем ее многообразии. Его нет (возьму на себя смелость сказать) даже у специалистов-наркологов, а уж тем более у тех, кто принимает решения. Второй важнейшей составляющей следовало бы назвать наличие твердой политической воли, направленной на искоренение этого зла. Ее тоже пока нет или она существует сугубо декларативно. Уже после этого требуется разработка государственной стратегии и наделение единого государственного органа управления (Госнарконтроля) более широкими полномочиями для реализации этой стратегии, а также подготовка специалистов для ее реализации.

Считается, что от наркоманий и связанных с ними факторов умирают около 70 тысяч человек в год. Но последняя цифра совершенно не отражает реальную ситуацию, так как вообще не учитывает такие традиционные и органически связанные с наркотизацией общества факторы, как алкоголизм и курение. По данным Роспотребнадзора, ежегодно от причин, связанных с курением, в России умирает 270 тысяч человек, а смертность, связанная с алкоголем, оценивается в 400—700 тысяч человек в год. В сумме — около 1 миллиона различных категорий наркозависимых в год. И наркологи, и те, кому предписывается надзирать за оборотом наркотических веществ, должны обладать всей суммой знаний как по отдельным видам наркотиков и их обороту, так и по всей их совокупности, включая перспективные разработки в этой сфере.

Ежегодно в России (данные опять же весьма приблизительные) в дорожно-транспортных происшествиях погибает около 35 тысяч человек, а в процессе антитеррористических операций — около 15 тысяч военнослужащих. Несравнимо меньше, чем от наркотических веществ. Но для предотвращения ДТП и антитеррористической деятельности мы готовим профессионалов в специальных (преимущественно военных или военизированных) учебных заведениях, а для всего комплекса антинаркотической деятельности специалистов, по сути, не готовит никто. Это преимущественно практики, постепенно набирающиеся "ума" и опыта уже "на рабочем месте", а также в процессе краткосрочных пе-

реподготовок. И при всем уважении к тем, кто имеет мужество служить в этой далеко не престижной и небезопасной сфере, дилетантизма в ней более чем достаточно, а спецов недопустимо мало. Нам нужны специальные учебные заведения для специалистов наркоконтроля. Потери от этого зла сопоставимы с боевыми в ходе крупных военных операций. И полупрофессионалы здесь бесполезны.

Об антинаркотической пропаганде и ошибках в наркополитике

К чему приводят законодательно разрешенные минимальные дозы и, как следствие, "узаконенный" наркорынок, наглядно демонстрирует голландский опыт. В свое время голландская наркополитика исходила, казалось бы, из логичного, но, как на поверку оказалось, ложного тезиса о том, что, разрешив свободную продажу легких наркотиков (типа каннабиса), можно будет разделить наркорынок на легальный и нелегальный, а также сосредоточить силы и средства борьбы на нелегальном обороте тяжелых препаратов. В итоге (что естественно) ничего путного не получилось, а страна превратилась в крупнейшего производителя и мировой транзитный пункт распространения всех возможных видов наркотиков, не говоря уже о том, что никакого снижения потребления героина или кокаина в Голландии не произошло*.

Как представляется, между разрешением свободной продажи легких наркотиков и законодательным позволением иметь при себе небольшую дозу тяжелых наркотиков (как в России) особой разницы нет.

Несколько слов о пропаганде. Действенная пропаганда, даже если она совпадает с национальными и индивидуальными устремлениями граждан, сто́ит всегда очень дорого. Но, как уже отмечалось, даже очень хорошо продуманная, профессиональная и финансово обеспеченная пропаганда, как свидетельствует мировой опыт, дает снижение потребления табака или наркотиков не более чем на 1—2% в год. Нужно ли ее вести при росте в сотни процен-

* Более того, идет активное заражение развитой "наркокультурой" соседних стран. В 2005 году мэр Гааги выдвинул идею перемещения основной массы "кафе-шопов" (проще говоря, наркопригонов) из центра поближе к бельгийской границе, так как преступность в них ужасающая, а люди из Бельгии все равно едут в Гаагу на "наркоуик-энд", поэтому, по мнению мэра, пусть уж лучше сразу на границе отовариваются и одурманиваются и не мешают жить добропорядочным гражданам Гааги. Самое главное в этой зарисовке: мэр не ставит под сомнение ошибочность государственной наркополитики, "обратный ход" в подобных ситуациях всегда дается труднее.

тов? Вне сомнения, нужно. Нужно ли тратить на нее миллионы? Нужно. Даже ради этих 1—2%. И нужно понимать, что это очень дорогостоящая гуманитарная акция, рассчитанная на будущие поколения, которая очень мало скажется на актуальной ситуации.

Эффективная антинаркотическая политика без пропаганды невозможна, иначе ее не будет поддерживать общество, которое должно согласиться с доводами ученых, государственных и общественных деятелей и понимать, почему от наркотиков необходимо отказаться. Если же вводить жесткие меры без постоянного и талантливой разъяснения, то получится, как в случае с лигачевско-горбачевской антиалкогольной реформой или как у Госнаркконтроля с кетаминот: все жалеют бедных животных и ветеринаров и от всей души ругают Госнаркконтроль, хотя ничего не поняли.

Пропаганда — всего лишь часть, но необходимая часть, эффективной наркополитики. И здесь также требуются утраченные в постсоветский период талантливые специалисты.

Общественное мнение или общественное недовольство?

Было бы неверно не упомянуть, что когда пропаганда ведется первыми и достаточно авторитетными лицами государства, которые определяют общественное мнение, как это было в случае деятельности супругов Нэнси и Рональда Рейган в период президентства последнего в США, снижение потребления психоактивных веществ за 5—6 лет может достигать 20% (то есть уже около 3—4% в год). А у нас готов ли кто-либо из первых лиц государства взяться за решение этой проблемы со всей страстностью, как это сделала Нэнси Рейган?

По непонятным причинам запрет на употребление наркотиков почему-то связывается с ограничением демократических свобод. А почему бы не спросить общество, хочет ли оно свободы в этой сфере? Согласно ли оно с законодательным оформлением права на ношение с собой и, следовательно, разрешением на приобретение и употребление даже минимальных доз? Как вообще можно приобрести то, что не продается? Здесь нет призыва "пересажать" всех, кто употребляет наркотики. Эти люди и так наказаны, они и без того пожизненные "узники". Но случаи смерти от ломок не часты, во всяком случае их частота несопоставима с количеством смертей от передозировок. И если наркотики негде будет найти, то их и не будет. Учитывая пугающий рост наркоманий и расту-

шее недовольство в обществе, можно предполагать, что если не будет новых законодательных инициатив, то здоровая часть общества сама "предложит" определенное самоограничение свобод и, не исключено, уже другим законодателям. Мы забыли о том, что в России были антиалкогольные бунты. Пока с обществом преимущественно заигрывают, обсуждая с ним методы борьбы с наркотиками, но уходя от обсуждения целей. Если целью действительно является общество без наркотиков, то понять современное законодательство просто невозможно. А партии и общественные организации еще не сказали здесь своего веского слова.

Преодолим ли разрыв между знанием и властью?

В том, о чем говорится в этом разделе, нет личной обиды на кого-либо. Есть только ощущение тщетности усилий. В июне 2004 года в связи с подготовкой поправок к законопроекту "О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции" мной было направлено письмо в адрес Президента Российской Федерации, где обобщались некоторые аспекты мирового опыта и *экономических подходов* к регуляции производства, сбыта и потребления алкоголя. Этот опыт позволил ранее спивавшимся странам типа Швеции, Финляндии и Норвегии в течение 30—40 лет снизить объемы производства алкоголя в 10—50 раз, количество торговцев спиртным сократилось в сотни раз, а потребление алкоголя на душу населения — в 3—10 раз. Основные составляющие этого опыта:

признание, что это не столько медицинская, сколько экономическая и социальная проблема;

признание государством своей моральной ответственности за алкоголизм;

относительная монополизация производства алкоголя и строжайший контроль государства за его качеством и реализацией;

но самое важное: ограничение прибылей акционеров питейного дела долей в 5% (остальное — в бюджет);

резкое ограничение на получение прибыли от продажи спиртных напитков перекупщиком и продавцом.

К письму отнеслись самым серьезным образом; даны поручения Правительству Российской Федерации. И уже в августе автор обращения получил ответ Федерального агентства по сельскому хозяйству (№ МА-6/804 от 20.08.04), где от имени Министерства экономического развития и торговли РФ и Министерства финан-

сов РФ сообщалось, что "ограничение прибылей акционеров питейного дела и резкое ограничение на получение прибыли от продажи спиртных напитков перекупщиком и продавцом" "в настоящее время не могут быть поддержаны, так как это приведет к ограничению конституционных прав юридических и физических лиц" (бланк, подпись — все как положено).

Вряд ли требуются комментарии. Неужели так трудно понять, что внеэкономические меры или увещевания при сотнях процентов прибыли ничего не дадут? И что бы ни говорили о планах, бюджете и успехах, никогда не поверю, что последовательно спивающаяся страна может стать богатой или демократической. И так будет до тех пор, пока знаниями владеют одни, а правом принятия решений — другие.

Ограничения или тотальный запрет?

Практически все страны мира имеют законодательные ограничения на оборот наркотиков. Особенно много изымается наркотиков органами таможенного контроля. Однако расчеты показывают, что изымаемая и потребляемая части "зелья" соотносятся как 1:10. А учитывая вышеупомянутые прибыли (только со стороны 11—25-летних — 2,7 млрд. долларов в год), уровень зарплат и коррупции в правоохранительных органах (более 100 сотрудников МВД осуждены за участие в преступном обороте наркотиков только в 2003 году), вряд ли "просто ограничительные" меры будут эффективными. Ограничение или запрет — это вопрос, как уже отмечалось, не просто политики, а вопрос государственной морали. Сейчас общество уже явно осознает свою уязвимость перед все более грозной экспансией наркомафии. Более того, в обществе (и, как говорят коллеги, даже у сотрудников МВД) присутствует страх перед ее силой. Общество уже даже не удивляется, когда в отношении последней, особенно ее "верхушки", принимаются полумеры. Но это вопрос только общественного терпения и времени. Когда в обществе открыто существуют хотя бы несколько человек, обогатившихся на лишениях других людей, общественная мораль, естественно, снижается. Но у этого снижения есть свой порог. И однажды он будет перейден. При этом или государство упреждающе возьмет на себя функцию восстановления общественной морали, или общество заставит это сделать.

Деньги и власть неразделимы. И пока доходы наркобизнеса будут соизмеримы с бюджетами противостоящих ему министерств, ничто не сможет ограничить власть первого. И властные структу-

ры, и общество будут вести "оборонительные" операции без какой-либо надежды "взять новые рубежи", что хорошо известно из военной стратегии: наступательная операция предполагает двух-трехкратное превосходство в живой силе, огневой мощи и поражающих средствах. Плюс общественное движение. В мирное время это полный аналог партизанского движения периода войны. И это не мифическая сила: общество должно сделать все, чтобы земля горела под ногами "захватчиков", не пугаясь неизбежного (но столь же необходимого в создавшейся ситуации национальной угрозы) отделения здоровой части общества ("своих") от его врагов.

Возможно ли сплочение нации на этой направленности? Безусловно. Но вначале нужна политическая воля и *постепенный переход* к полному запрету на оборот наркотиков в любых формах и дозировках, кроме медицинских показаний и практики. Пока в погоне за западными ценностями мы общими усилиями (включая законодателей и наркомафию) обеспечили в этой сфере самый широкий ассортимент, а нам бы здесь нужно создать самый настоящий советский супердефицит. Если наркотики негде будет взять, то нечем будет и вовлекать. Тех, кто уже злоупотребляет, конечно, остановит только кладбище, но есть надежда, что в этом случае они станут меньше делиться этим ставшим гораздо более дорогим и менее доступным дефицитом с начинающими.

Почему именно *постепенный переход*, а не *немедленный и полный запрет*? Немедленный и полный запрет очень уязвим, и без согласованной и многолетней позитивной динамики общественной морали очень быстро и легко будут найдены многочисленные убедительные поводы для отказа от него, как это уже было не раз с безудержным стремлением создать общество всеобщей трезвости с момента того или иного указа. И, наоборот, скандинавский опыт постепенного (в течение десятилетий), но неуклонного ужесточения антиалкогольной и антинаркотической политики явно доказывает свою успешность. Цель должна состоять не только в постепенно усиливающихся ограничительных мерах, но и в преодолении инерции общественного сознания. К сожалению, пока в России наблюдается движение в обратном направлении.

Нужен ли контроль или достаточно запрета?

Давайте представим, что мы ввели законодательный запрет на любое количество алкоголя в крови у водителей, но при этом не использовали бы никакого контроля. Что было бы? Абсолютное большинство не обратило бы на этот запрет никакого внимания.

Всем известно, что любые наркотики запрещено продавать повсеместно, в том числе в клубах, барах, на дискотеках и т. д. Но всем так же точно известно, что именно там их проще всего купить. Неужели никто не понимает, что запрет без контроля абсолютно неэффективен? Существуют ли популярные дискотеки, где вообще нет наркотиков? Действительно ли на ночные дискотеки допускают только совершеннолетних? Сколько дискотек было закрыто за бесконтрольную продажу наркотиков или допуск подростков? Мне известно, что только одно такое уголовное дело в 2004 году было заведено в Санкт-Петербурге, и неизвестен его исход. В 2005 году в Санкт-Петербурге закрыли клуб "Пещера", и даже по статье "организация притона". А сколько таких притонов продолжает действовать? Откройте любое рекламное издание.

О наркобизнесе

В отличие от уже упомянутого выше наркодилерства наркобизнес, этот, безусловно, особый, высокотехнологичный и один из самых высокодоходных видов современного химического производства, судя по всему, не столько "ходит под законом", сколько активно действует под самыми надежными "крышами".

Трудно не удивляться, когда СМИ регулярно показывают нам малообразованную цыганскую семью, живущую в трехэтажном сарае, в подполе которого обнаруживается 2—3, а то и 10 килограммов героина, и выдают этих несчастных за современных "наркобаронов". Это что, те люди, которые владеют миллиардами, организуют международный трафик десятков и сотен тонн самых "чистых" препаратов, управляют современными химическими производствами и многомиллионными рынками сбыта в каждом регионе?

Удивляет, что при смехотворной дешевизне и простоте производства наркотиков мы чаще всего слышим только о килограммах задержанных на таможне или о "подпольных лабораториях", организованных некими студентами на кухне. Трудно поверить, что в России циркулируют тысячи тонн исключительно ввозимого "товара". Может, стоит задуматься и об этом?

Еще один аспект. До 80—90% героина поступает, например, в Северо-Западный федеральный округ из Афганистана. При этом огромные усилия тратятся на пресечение наркотрафика и предотвращение (по официальным источникам) "перемещения наркотиков в мелкооптовый и розничный оборот", так как товар (уже максимально приближенный к потребителю!) в последних двух

формах, по сути, уже охраняется законом. Можно ли придумать большее кощунство?

Еще в конце 80-х годов XX века в Советском Союзе констатировалось, что в стране уже сформировалось преступное сообщество наркоторговцев, а оборот наркотиков в тот уже давний период оценивался в 500 тонн наркотиков в год. Если принять, что потребление за последующие десятилетия выросло даже не в 50 раз, а только в 10, то уже нужно говорить о 5 тысячах тонн.

Себестоимость производства 1 грамма амфетамина в Литве (еще один наш поставщик) составляет 1 евро, а в Калининграде этот грамм продается уже как минимум за 15—17 евро. Доходность — 1700%. Может быть, рекомендовать нашим законодателям перечитать позабытого Маркса: он приводит гораздо меньшие цифры, за которые капиталист пойдет на любое преступление?

Совершенно очевидно, что этим бизнесом владеют и управляют не полуграмотные цыгане, а крупнейшие хорошо организованные криминальные структуры, которые, безусловно, связаны с коррумпированными властями как в странах-производителях, так и в странах-потребителях. Здесь даже гадать не нужно. И то, что ими делается ради наживы, нельзя квалифицировать иначе, как наркотеррор против нашей страны. И меры должны быть соответствующими.

О реабилитации наркоманов

В этом разделе прежде всего нужно упомянуть бесконтрольную и никем не дезавуируемую рекламу (преимущественно частных фирм), декларирующую 70—90% успеха при лечении наркоманов. Это ничем не прикрытый обман! Реально самые лучшие российские центры говорят максимум о трехлетней ремиссии у 20—25% (и это безусловный успех полунищей отечественной наркологии)*. Если говорить о годовой ремиссии, то таких случаев в отечественной практике сейчас уже бывает до 40%. Но никаких 70% или 90%. Почему ведущие специалисты-наркологи не противодействуют этому? Ведь молодые люди искренне верят: "Если уж не смогу бросить сам, то меня обязательно вылечат!" Никогда! Пока возможно довести пациента только до относительно длительной ремиссии. И это тоже огромный успех.

* В США, где наркология много богаче и, соответственно, развивается, учитываются только 5-летние ремиссии, а некоторые из ведущих центров сообщают об эффективности 70% при затратах на лечение и реабилитацию одного наркомана от 20 до 40 тыс. долларов в год.

Попробую назвать две причины стыдливого молчания официальной медицины. Во-первых, признать, что излечение от наркоманий пока невозможно, значит поставить под угрозу государственное финансирование всех исследований в этой сфере. Такое решение возможно, хотя это было бы глупо и недальновидно: финансировать и исследования, и разработку методов лечения нужно. И в больших объемах, чем это делается сейчас. Во-вторых, лечение наркоманов (где постоянно растет прослойка "золотой молодежи", выходцев из самых состоятельных семей) стало самостоятельным бизнесом с высоким доходом и пока только вероятным успехом (20—25%). И этот бизнес, иногда именуемый (по аналогии) "наркологической мафией", активно развивается даже под эгидой государственных служб и наркодиспансеров. То, что это реально существует, не подлежит сомнению. В качестве подтверждения можно привести "петербургский случай" 2004 года, когда один из высших руководителей столичной наркологической службы заказал убийство другого.

Может быть, стоит сказать об этом честно — всем, включая потенциальных наркоманов, которые надеются, что в крайнем случае их вылечат? И подчеркнуть, что надежда эта пока что очень зыбкая. И есть сомнения, что это положение сильно изменится в ближайшем будущем. Особенно если учитывать, что диагноз наркомании как минимум в 60% случаев тут же "дополняется" СПИДом, гепатитом, туберкулезом и другими неизбежно сопутствующими заболеваниями, а прогноз наступления смерти в этом случае составляет в среднем 7—10 лет.

Посмотрим, а реально ли вообще для среднестатистического (11—25 летнего, неработающего) наркомана достигнуть хотя бы какого-то положительного эффекта? Приведу только одну цифру: представитель ООН — координатор российского регионального проекта по снижению спроса на наркотики госпожа Сигне Ротберг представила в 2004 году на антинаркотическом конгрессе в Санкт-Петербурге данные, что для эффективного лечения одного наркомана (для достижения относительной ремиссии) требуется как минимум от 5 до 40 тыс. долларов в год (менее — неэффективно). Мы что — имеем такие средства? Если взять только 4,2 миллиона уже существующих 11—25-летних наркоманов и только минимальную сумму для лечения и реабилитации — 5 тыс. долларов в год, то потребуется 21 млрд. долларов. Не силен в математике, но это что-то около пятой части годового бюджета России на 2004 год.